

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 94(437) ‘‘1918/1925’’
ББК 63.3(4Чея)61

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Э. БЕНЕША ПОСЛЕ ЛОКАРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 1925 г.)

Станков Николай Николаевич

Доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
stankov11@yandex.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются на основе архивных и опубликованных документов изменения во внешней политике Чехословакии в первые месяцы после Локарнской конференции. Рассматриваются основные направления деятельности министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша, стремившегося к укреплению позиций своей страны в новых международных реалиях.

Ключевые слова: внешняя политика Чехословакии, Э. Бенеш, Локарнская конференция, германо-чехословацкий арбитражный договор, советско-чехословацкие отношения, Малая Антанта.

16 октября 1925 г. представители Германии, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Польши и Чехословакии подписали заключительный протокол Локарнской конференции, в котором перечислялись выработанные в ходе конференции договоры и соглашения. основополагающим документом Локарнской конференции был договор о взаимной гарантии между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (Рейнский пакт). Страны-участницы индивидуально и коллективно гарантировали сохранение территориального статус-кво, нерушимость границ между Германией и Бельгией,

Германией и Францией (ст. 1). Все спорные вопросы стороны обязывались решать мирным путем (ст. 3) [9, с. 485–486, док. 30]. Процедура их решения была подробно изложена в арбитражных договорах Германии с Бельгией и Францией [там же, с. 489–495, док. 30]. Гарантами Рейнского пакта выступали Великобритания и Италия.

Арбитражные договоры Германии с Чехословакией и Польшей, в отличие от арбитражных договоров Германии с Бельгией и Францией, не опирались на Рейнский пакт, и на них не распространялись гарантии Великобритании и Италии. Но германо-чехословацкий, германо-

польский арбитражные договоры содержали дополнительную статью (ст. 21), которая гласила: «Настоящий договор, соответствующий Уставу Лиги Наций, ни коим образом не будет затрагивать права и обязанности высоких договаривающихся сторон как членов Лиги Наций и не будет трактоваться как ограничивающий миссию Лиги принимать меры для действительного обеспечения всеобщего мира» [там же, с. 496, док. 30]. Кроме того, 16 октября председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции А. Бриан подписал гарантийные договоры с Чехословакией и Польшей. В преамбуле подчеркивалось, что Франция и ЧСР (Франция и Польша) «в равной степени озабочены тем, чтобы предохранить Европу от войны путем добросовестного соблюдения обязательств, принятых сего дня в целях сохранения всеобщего мира, решили взаимно гарантировать себе вытекающую из них пользу с помощью договора, заключенного в рамках Устава Лиги Наций, и существующих между ними договоров...» [там же, с. 497, док. 30]. Статья 1 предусматривала, что, в случае невыполнения обязательств, принятых в соответствии с арбитражными договорами «между ними и Германией в целях сохранения всеобщего мира», и если такое невыполнение сопровождалось бы «неспровоцированным применением оружия», Франция и Чехословакия (Франция и Польша) обязывались «немедленно оказывать друг другу помощь и поддержку» во исполнение ст. 16 или абзаца 7 ст. 15 Устава Лиги Наций [там же, с. 497–498, док. 30].

А. Бриан добивался, чтобы в заключительном протоколе конференции была отмечена взаимная связь Рейнского гарантийного пакта и других Локарнских договоров с гарантийными договорами Франции с Чехословакией и Польшей. Очевидно, с этой целью во французские гарантийные договоры с ЧСР и Польшей была включена статья о том, что документы об их ратификации будут сданы в Лигу Наций в Женеве одновременно с документами о ратификации Рейнского гарантийного пакта и арбитражных договоров. «Он вступит в силу и будет действовать на тех же условиях, что и указанный договор», – подчеркивалось в ст. 4 договора [там же, с. 498]. Однако усилия А. Бриана встретили решительное противодействие со стороны германской

делегации. В результате в заключительный протокол Локарнской конференции было включено лишь упоминание о гарантийных договорах Франции с Чехословакией и Польшей [там же, с. 483, док. 30]. Но оно не имело практического значения. «Оно не налагало на участников конференции дополнительных обязательств, – отмечал известный отечественный историк В.М. Турок, – и вообще не означало, что факт подписания соглашения во время Локарнской конференции имеет отношение к системе Локарнских договоров» [10, с. 201].

Германия, добившись исключения французских гарантий из комплекса локарнских соглашений, не принимала их всерьез. На Вильгельмштрассе считали, что локарнские соглашения существенно подрывали союзные отношения Франции с восточноевропейскими странами. Арбитражные договоры с Чехословакией и Польшей германская дипломатия рассматривала как обычные договоры без каких-либо гарантий границ. «В них не содержится какое-либо открытое или скрытое признание наших восточных границ, – подчеркивалось в телеграмме статс-секретаря министерства иностранных дел Германии К. Шуберта германскому послу в Москве Брокдорфу-Ранцау 23 октября 1925 года. – Одна из целей всей политики пактов, а именно различие между западными и восточными границами, таким образом, достигнута» (цит. по: [5, с. 178]).

Министры иностранных дел ЧСР и Польши не могли не понимать несовершенства подписанных с ними арбитражных договоров. Глава внешнеполитического ведомства Германии Г. Штреземан впоследствии рассказывал, что польский министр А. Сквишинский не мог скрыть своего волнения и сразу же после подписания локарнских документов первым покинул зал. Чехословацкий министр вел себя иначе. Не добившись никаких результатов, говорил Г. Штреземан, Э. Бенеш вел себя так, как будто чего-то достиг; он широко улыбался и казался радостным [22, Bd. 2, S. 234]. Германские дипломаты сомневались, что Э. Бенеш и его окружение в действительности придавали арбитражному договору большое значение. По их мнению, Э. Бенеш раздувал его значение исходя из агитационных соображений, принимая во внимание предстоявшие в ЧСР парламентские выборы [4, л. 10].

Чехословацкий министр иностранных дел внимательно следил, чтобы информация о конференции подавалась в нужном ракурсе. Во время конференции в Локарно от имени чехословацкой делегации прессу информировал сам Э. Бенеш. Он лично каждый вечер диктовал телеграммы для ЧТК (Чехословацкого телеграфного агентства), составлял инструкции для отдела печати в МИД ЧСР, редакций журнала «Zahraníení politika» и газеты «Prager Presse» [там же, л. 4]. Бенеш старался представить деятельность чехословацкой делегации в Локарно в самом выгодном свете. Он рекомендовал пресс-службе МИД постоянно подчеркивать, что переговоры ведутся с успехом для Франции и ЧСР [19, s. 128], что Рейнский пакт представлял большое значение не только для безопасности Франции, но и Чехословакии и для обеспечения мира в Центральной Европе, что чехословацко-германский арбитражный договор имел интегральный характер и исключал все возможные конфликты между двумя странами [ibid., s. 136, 137], что он являлся мощным ударом по судето-немецкому ирредентизму [ibid., s. 128].

Выступая с отчетом о деятельности чехословацкой делегации в Локарно на заседании Совета министров 28 октября 1925 г., Э. Бенеш постарался нивелировать отличия «западных» и «восточных» арбитражных договоров, подчеркивая, что все дипломатические акты, подписанные в Локарно, составляли «неделимое политическое целое». Он игнорировал тот факт, что гарантийные договоры Франции с ЧСР и Польшей не вошли в комплекс локарнских актов, и доказывал обратное: якобы они тесно связаны друг с другом, будто гарантийные договоры Франции с ЧСР и Польшей дополняли Рейнский пакт и чехословацко-германский арбитражный договор, приближали Рейнский пакт к решению проблем безопасности Центральной Европы [21, s. 4–5]. Э. Бенеш подчеркивал, что Германия, подписав Рейнский пакт и арбитражные договоры, тем самым снова подтвердила признание мирных договоров. Чехословацкий министр утверждал, что этим вновь была подтверждена независимость Австрии. Бенеш отметил, что германская делегация специально не поднимала вопрос о судетских немцах [ibid., s. 5]. Он подробно прокомментировал

ст. 21 чехословацко-германского арбитражного договора, которая, по его мнению, предусматривала взаимные обязательства Германии и Чехословакии в соответствии со ст. 10 Устава Лиги Наций сохранять современную территориальную целостность и политическую независимость. Кроме того, утверждал Э. Бенеш, она предоставляла возможность Франции и ЧСР в случае нарушения Рейнского пакта или арбитражного договора предпринять по отношению к Германии действия в соответствии со ст. 16 или ст. 15 (абзац 7) Устава Лиги Наций [ibid., s. 2].

Основные положения своего доклада на заседании Совета министров Э. Бенеш развил, выступая 30 октября 1925 г. в постоянном комитете Национального собрания ЧСР. Он вновь указал на взаимосвязь и неразделимость всех дипломатических актов, подписанных в Локарно [14, s. 343], нивелировал различия между арбитражными договорами, заключенными Германией с Францией и Бельгией и с Чехословакией и Польшей [ibid., s. 345], подчеркивая присутствующий им общий дух. Он утверждал, что Великобритания и Италия как гаранты Рейнского пакта обеспечивали «моральную гарантию» и чехословацко-германского договора [ibid., s. 358]. Комментируя содержание Рейнского пакта, Э. Бенеш отметил, что он обеспечивал право Франции в случае необходимости оказывать помощь Чехословакии и Польши во исполнение ст. 15 (абзац 7) или ст. 16 Устава Лиги Наций [ibid., s. 344]. Гарантийным договорам Франции с Чехословакией и Польшей Э. Бенеш уделил особое внимание. Он отмечал их соответствие и взаимосвязь с Рейнским пактом, арбитражными договорами и Уставом Лиги Наций. Бенеш подчеркивал: «Чехословацко-французский гарантийный договор являлся существенной составной частью локарнского процесса» [ibid., s. 352]. Бенеш пытался доказать, что локарнские соглашения не нанесли ущерба чехословацко-французскому союзу. Он утверждал, что Чехословакия сделала все, чтобы сохранить прежние гарантии своей безопасности, и добилась «новых, прямых и косвенных гарантий, имеющих большое политическое значение» [ibid., s. 357]. Бенеш уверял, что обязательство «немедленно оказывать друг другу помощь и поддержку», содержавшееся в ст. 1 чехословацко-французского гарантийного договора, означало,

что такая помощь должна быть оказана «автоматически» [ibid., s. 351]. В действительности французские гарантии в отношении Чехословакии и Польши усилены не были. Наоборот, они были ограничены и подчинены контролю Лиги Наций. Франция больше не могла принимать срочное и одностороннее решение о помощи своим восточноевропейским союзникам. На это, в частности, обращал внимание французского правительства А. Бриан, когда разъяснял содержание гарантийных договоров с восточноевропейскими странами. Он говорил, что речь больше не могла идти о прежних союзнических отношениях. Франция имела право оказывать помощь только в рамках Устава Лиги Наций. При чем она не могла предпринимать единоличные действия, а лишь совместно с другими членами Лиги Наций (см.: [16, s. 322]).

Против чехословацкой интерпретации французских гарантийных договоров и локарнских соглашений протестовала Германия. Статс-секретарь рейхсминистерства иностранных дел К. Шуберт в телеграмме от 3 ноября 1925 г. обращал внимание германского посланника в Праге В. Коха на ряд высказываний Э. Бенеша относительно возможности оказания Францией «немедленной» военной помощи Чехословакии, указывая, что это утверждение противоречило Рейнскому пакту, поскольку западная граница Германии находилась под контролем Великобритании как гаранта пакта. К. Шуберт возражал также против интерпретации Э. Бенешем ст. 21 германо-чехословацкого арбитражного договора, когда тот ссылался на ст. 10 Устава Лиги Наций, гарантировавшую территориальную целостность и политическую независимость. Германский статс-секретарь считал, что ст. 10 необходимо рассматривать в связи со ст. 19 Устава Лиги Наций [11, S. 530, Dok. 206], которая предусматривала возможность нового рассмотрения членами Лиги «договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир» [6, с. 12]. Впрочем, на Вильгельмштрассе понимали, что тональность выступлений Э. Бенеша во многом определялась внутриполитическими причинами, и он избрал такую интерпретацию локарнских соглашений, которая была выгодна ему в борьбе «за свое су-

ществование» [11, S. 531, Dok. 206]. Когда 7 ноября 1925 г. Э. Бенеш встретился с Кохом и германский посланник подчеркнул, что его правительство далеко от одобрения высказываний чехословацкого министра о подписанных в Локарно договорах, последний дал понять, что ему с выступлениями Г. Штреземана также трудно согласиться, но каждый нес свой крест и вынужден был учитывать общественное настроение в своих странах и расстановку сил в законодательных органах, чтобы «проташить» Локарнские договоры [ibid., S. 531, Anm. 8].

Чехословацкая дипломатия внимательно следила за развитием событий в Германии, где развернулась острая внутривластная борьба вокруг Локарнских договоров. Посланник ЧСР в Берлине К. Крофта в своих доносениях в Прагу подробно освещал ход дебатов в рейхстаге по поводу локарнских актов, обращал внимание на их интерпретацию канцлером Г. Лютером и министром иностранных дел Г. Штреземаном. К. Крофта отмечал, что рейхсканцлер, выступая 20 ноября в рейхстаге, дифференцировал арбитражные договоры, подписанные Германией с Францией и Бельгией и с восточноевропейскими государствами. Г. Лютер подчеркивал, что, в отличие от договоров с западноевропейскими странами, арбитражные договоры с ЧСР и Польшей не опирались на Рейнский пакт, что они не затрагивали вопроса о гарантиях границ и их рамки точно, недвусмысленно исчерпывались положениями, включенными в текст [12, с. 65]. Он указал, что в Локарно Франция заключила с Чехословакией и Польшей договоры, но Германия их не приняла, и они не являлись составной частью локарнского процесса. Этими договорами Франция, по мнению Г. Лютера, пыталась привести свои прежние союзные договоры с Польшей и Чехословакией в соответствии с положениями Рейнского гарантийного пакта и включить их в систему Устава Лиги Наций [ibidem]. К. Крофта обращал внимание на выступление в ходе дебатов в рейхстаге Г. Штреземана, который, отвечая на обвинения оппозиции, заявил, что Локарнский пакт не означал нового подтверждения Версальского мирного договора, а также на выступления депутатов, критиковавших внешнюю политику Чехословакии. В ча-

стности, посланник указывал на речи тех депутатов, которые обвиняли Э. Бенеша в неверной интерпретации локарнских соглашений, критиковали гарантийные договоры Франции с ЧСР и Польшей, утверждая, что они приведут к «серьезному ухудшению отношений Германии с этими государствами» [ibidem].

Чехословакия пыталась избежать обострения отношений с Германией. Ощущая ослабление французской поддержки, ЧСР старалась наладить отношения с Веймарской республикой. Бенеш в своих выступлениях подчеркивал, что после Локарно чехословацко-германские отношения вступили в новую стадию, что локарнские договоры полностью соответствовали внешнеполитическим целям Праги, которая всегда подчеркивала необходимость достижения соглашения между Францией и Германией, благодаря чему «нам предоставлялась возможность как сохранить нашу преданность Франции, так и установить дружественные добрососедские отношения с Германией» [14, s. 356]. В течение семи лет, отмечал министр в парламентском экспозе 30 октября 1925 г., ЧСР проводила в отношении Германии такую политику, когда между двумя странами без всяких препятствий, кризисов и жертв установились дружественные отношения. Во время переговоров в Локарно с рейхсканцлером Г. Лютером и министром иностранных дел Г. Штреземаном констатировалось, что между ЧСР и Германией не существует никаких разногласий ни в вопросе о границах, ни в других вопросах и полностью открыт путь для их добрососедских и дружественных отношений. Э. Бенеш выражал уверенность, что чехословацко-германский договор скрепит эти отношения на долгое время [ibid., s. 357].

Германская дипломатия, как отмечалось выше, более сдержанно оценивала арбитражный договор с Чехословакией. Но, как считали в германском посольстве в Праге, договор мог «получить некоторое реальное значение» и отношения между ЧСР и Веймарской республикой могли углубиться в том случае, если бы чехословацкое правительство изменило свой политический курс в отношении судетских немцев [4, л. 11]. Руководство ЧСР сознавало необходимость этого шага, и уже накануне выборов в Национальное собрание осе-

нию 1925 г. появились слухи о том, что Э. Бенеш начал подготовительную работу по созданию чехословацко-немецкой коалиции [там же, л. 17], что представители ландбунда и Немецкой христианско-социальной народной партии выразили готовность войти в состав правительства ЧСР и вступили по этому поводу в неофициальные переговоры с Градом [там же, л. 25–26, 58]. Переговоры завершились в октябре 1926 г. соглашением о включении в состав правительства Швеглы двух министров-немцев. Председатель ландбунда Ф. Шпина получил портфель министра общественных работ, а лидер Немецкой христианско-социальной народной партии Р. Майр-Хартинг – министра юстиции. Создание международной правительственной коалиции должно было способствовать укреплению чехословацко-германских отношений, ознаменовать наступление периода сотрудничества и дружбы между двумя странами.

После Локарно произошел также поворот в политике Праги в отношении СССР. «...Отношение к нам круто изменилось», – писал 29 октября 1925 г. советский полпред в Праге В.А. Антонов-Овсенко заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову. Во время встречи с советским полпредом 28 октября Э. Бенеш уверял, что вопрос о признании СССР де-юре «принципиально решен» [2, л. 249]. Правда, в последующие дни в публичных выступлениях министр был менее категоричен. В своем выступлении в Национальном собрании 30 октября Э. Бенеш говорил о необходимости решения «русской проблемы» Чехословакией таким образом, чтобы «полная и совершенная гармония с Западом, Германией и Восточной Европой была наконец-то воплощена в жизнь» [14, s. 359]. Он выступал за «второе Локарно», на котором вся Европа пришла бы к соглашению с Россией [ibid., s. 354–356]. В.А. Антонов-Овсенко, посетив чехословацкого министра иностранных дел 4 ноября 1925 г., расценил его заявления о «Локарно для России» как попытку «организовать единый фронт» против СССР и просил разъяснить политику правительства ЧСР в вопросе признания [7, с. 651–655, док. 367]. Заверения Э. Бенеша о положительном решении вопроса в отношении СССР не убедили советского полпреда. За

время работы в Праге у Антонова-Овсеенко сложилось мнение о Бенеше как о конъюнктурном политике, способном в любой момент отказаться от своих обещаний [там же, с. 654–655]. Поэтому он решил воспользоваться затруднениями ЧСР на международной арене после Локарнской конференции и попытаться ускорить процесс признания. Советские дипломаты в Праге непрестанно поднимали этот вопрос во время встреч с Э. Бенешем, его заместителем В. Гирсой, другими руководящими сотрудниками МИД ЧСР, с представителями различных политических партий, деловых кругов, средств массовой информации. Москва использовала свое влияние на КПЧ и привлекала ее к организации кампании за признание СССР. Лидеры КПЧ, коммунисты-депутаты Национального собрания ЧСР, были частыми посетителями советского полпредства в Праге. Накануне своих выступлений они согласовывали их содержание с полпредом или его советником и получали соответствующие инструкции и материалы [3, л. 87; 4, л. 29]. Советская дипломатия воспользовалась разочарованием правых немецких партий в ЧСР локарнскими договорами, игнорировавшими вопросы национальных меньшинств. Пропагандистская кампания Немецкой национальной партии в ЧСР против Локарно за «немецко-русское сближение» была на руку СССР [4, л. 25]. Оказавшись под таким давлением, чехословацкое правительство просило советское полпредство на время предвыборной кампании ослабить натиск [3, л. 85–86]. Э. Бенеш обещал сразу же после выборов поставить вопрос о признании СССР ультимативно [7, с. 655, док. 367].

На заседании нового правительства ЧСР 22 декабря 1925 г. Э. Бенеш действительно «поставил вопрос» о признании СССР. Он «доверительно» сообщил Совету министров о переговорах, которые проходили в то время между Францией и СССР, и заявил, что в случае успешного их завершения следовало ожидать установления нормальных отношений между Советским Союзом, с одной стороны, и европейскими государствами – с другой, развития между ними экономического и политического сотрудничества. Э. Бенеш выразил надежду, что со временем благоприятно решится вопрос и о вступлении СССР в Лигу

Наций. Он обратил внимание коллег-министров, что советское правительство приглашается на международные конференции, которые проходили под патронатом Лиги Наций. В ходе заседания отмечалась заинтересованность промышленных и финансовых кругов в сотрудничестве с СССР, указывалось на необходимость развития торговых отношений между двумя странами. Но в то же время выражались и опасения, что признание СССР может вызвать внутривнутриполитические осложнения в ЧСР. Подводя итоги обсуждения, председатель правительства А. Швегла подчеркнул, что вопрос о признании СССР де-юре должен быть решен в скором времени [21, протокол заседания Совета министров 22 декабря 1925 г. (пагинация в документе отсутствует)].

В тот же день, 22 декабря 1925 г., Э. Бенеш во время встречи с югославским посланником Л. Нешичем заявил, что уже в январе 1926 г. ЧСР установит «нормальные дипломатические отношения с СССР» [4, л. 120]. В Наркомате иностранных дел СССР ждали, что со дня на день из Праги поступит официальное заявление о признании Советского Союза де-юре. В Москве были убеждены, что ЧСР после Локарнской конференции находилась в состоянии международной изоляции, и она «политически вынуждена» признать СССР [1, п. 106, д. 11, л. 71–72]. Однако эти расчеты оказались ошибочными. Э. Бенеш предложил, чтобы СССР, в ответ на признание, согласился на развитие экономических отношений между двумя странами на принципах наибольшего благоприятствования и настаивал на возмещении чехословацким гражданам убытков за имущество, конфискованное советской властью. Москва решительно отклонила предложение чехословацкого министра о включении в ноту признания каких-либо предварительных условий. Советское правительство не возражало против обсуждения вопроса о режиме наибольшего благоприятствования, считая, однако, более уместным рассмотреть его в ходе переговоров о торговом соглашении. Но оно совершенно исключало возможность возмещения ущерба чехословацким гражданам [8, с. 235–238, док. 71; с. 239, док. 72]. Отказ Москвы вынудил ЧСР в очередной раз отложить признание СССР. Только в июне 1934 г.

между Советским Союзом и Чехословакией были установлены нормальные дипломатические отношения.

Наряду с переменной политического курса в отношении Веймарской республики и СССР, Чехословакия стремилась к расширению сотрудничества с Великобританией и Италией. Э. Бенеш во время встречи с О. Чемберленом в Локарно, после завершения конференции 16 октября, а затем в своем выступлении в Национальном собрании 30 октября 1925 г. высоко оценил заслуги британского министра иностранных дел в успешном завершении переговоров и укреплении европейского мира [14, s. 359–360; 18, p. 893, doc. 551].

Престиж Италии в результате Локарнской конференции на международной арене резко возрос. Наряду с Великобританией, она стала гарантом Рейнского пакта. Рим не замедлил воспользоваться упрочением своих международных позиций и вознамерился потеснить Францию и расширить свое влияние в Центральной Европе. Перед итальянским посольством в Праге была поставлена задача «форсировать уклон ориентации чешской внешней политики в сторону Италии» [1, п. 105, д. 8, л. 7]. Э. Бенеш, идя навстречу Риму, на открытии Шпильбергского музея в Брно 25 октября 1925 г. произнес речь о чехословацко-итальянской дружбе [2, л. 249]. Однако на пути сближения ЧСР с Италией было много препятствий. Прежде всего, Град был противником итальянского фашизма, и в Риме об этом знали [4, л. 93]. Кроме того, чехословацкая дипломатия подозревала Италию в заигрывании с Венгрией, в сочувствии ее реставрационным планам и считала Б. Муссолини авантюристом и «главным вредителем мира в Европе» [там же, л. 80]. Сотрудничество ЧСР и Италии парализовало их соперничество в австрийском вопросе. Прага боялась итальянской экспансии в Центральной Европе, усиления ее позиций в Австрии. Э. Бенеш считал, что в известной мере этому мог бы противостоять Дунайский пакт, заключенный по образцу локарнских договоров [21, протокольная запись выступления Э. Бенеша на заседании Совета министров 28 октября 1925 г. (пагинация в документе отсутствует)].

Вопросы подписания Дунайского пакта чехословацкий министр начал обсуждать

еще до Локарнской конференции. На самой конференции официально австрийский вопрос не рассматривался, поскольку О. Чемберлен, А. Бриан и Б. Муссолини считали невозможным обсуждать его с Германией [13, S. 457, Dok. 811]. Но после закрытия конференции, 16 октября, О. Чемберлен предложил Э. Бенешу, чтобы Малая Антанта заключила с Венгрией и Австрией договоры по примеру локарнских [18, p. 893–894, doc. 551]. Британское предложение совпадало с целями чехословацкой дипломатии. 21 октября 1925 г. в Бледе Бенеш встретился с министром иностранных дел Югославии М. Ниничем, которого проинформировал о результатах переговоров в Локарно, и предложил по образцу Рейнского гарантийного пакта подготовить соответствующий проект для Центральной Европы. Форма и рамки будущего пакта на совещании в Бледе не были определены. По этому поводу чехословацкий министр предложил обменяться мнениями в ближайшее время [20, p. 120–121, doc. 164] и начал консультации с потенциальными участниками Дунайского пакта.

Вена настороженно отнеслась к инициативе Э. Бенеша, считая своей первоочередной задачей решение экономических проблем. Помимо этого, Австрия явно не желала ограничения маневренности своей внешней политики. Поэтому на инициативу Праги она ответила предложением подписать австро-чехословацкий арбитражный договор [13, S. 458–459, Dok. 811]. Этот договор был заключен 5 марта 1926 г. во время визита Э. Бенеша в Вену [ibid., S. 493–499, Dok. 826]. Накануне подписания арбитражного договора чехословацкий министр выразил надежду, что он будет первым шагом к созданию центрально-европейской системы международно-правовых отношений. Следующим шагом, по его мнению, должно быть заключение гарантийного пакта, причем не только с Австрией, но и со всеми государствами Центральной Европы. Наконец, третий шаг должен был обеспечить такую гарантию безопасности государств в регионе, когда война была бы запрещена, а спорные вопросы решались бы исключительно путем арбитража [ibid., S. 490–491, Dok. 824].

Но грандиозным планам Э. Бенеша не суждено было осуществиться. Он не смог на

дальнейшие шаги подвинуть Австрию. Попытки заключить «новое Локарно» Малой Антанты с Венгрией также закончились неудачно. Венгрия не намерена была подписывать коллективный договор с малоантантовским блоком и связывать себя обязательствами отказа от каких-либо территориальных притязаний. Более того, Венгрия была против заключения арбитражного договора с ЧСР [4, л. 58]. Будапешт стремился разложить Малую Антанту, поэтому искал сближения с Югославией и Румынией и выражал готовность подписать с каждым из этих государств в отдельности сепаратные договоры [там же, л. 83; 17, Вл. 189].

Чтобы противостоять политике Венгрии, не допустить усиления влияния Италии в Центральной Европе, ЧСР проводила курс на укрепление сотрудничества с Югославией и Румынией. Сразу же после окончания Локарнской конференции Э. Бенеш занялся подготовкой конференции министров иностранных дел Малой Антанты, на которой предстояло согласовать политику блока в важнейших международных вопросах в новых условиях (см.: [15, s. 106–107, dok. 96]). Такую конференцию удалось созвать 10–11 февраля 1926 г. в Тимишоаре [ibid, s. 108, dok. 97].

Таким образом, Локарнская конференция отразила глубокие изменения, которые произошли в системе международных отношений в середине 1920-х годов. Сразу же после завершения работы Локарнской конференции министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш предпринял активные действия с целью приспособить внешнюю политику своей страны к новым международным реалиям. Новый курс проявился, прежде всего, в стремлении развивать добрососедские отношения с Германией, Италией, Советским Союзом, в попытках создания Дунайского пакта. Однако Германия весьма сдержанно отнеслась к заявлениям Э. Бенеша. Множество причин препятствовало сотрудничеству ЧСР с Италией, в первую очередь, их соперничество в Центральной Европе, в частности в австрийском вопросе. До признания СССР де-юре и установления полномасштабных советско-чехословацких отношений тогда дело не дошло. Действия, предпринятые чехословацкой дипломатией на региональном уровне по созда-

нию Дунайского пакта, также не принесли ожидаемого результата. Чехословакии оставалось лишь проводить курс на укрепление коалиционного сотрудничества в рамках Малой Антанты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 0138. – Оп. 6.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 43. – П. 278. – Д. 53981.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 43. – П. 279. – Д. 53985.
4. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 43. – П. 279. – Д. 53986.
5. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 304 с.
6. Версальский мирный договор. – М. : Изд-во Литиздата НКВД, 1925. – 198 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. 8. – М. : Госполитиздат, 1963. – 862 с.
8. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. В 5 т. Т. 2. – М. : Наука, 1977. – 634 с.
9. Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М. : Госполитиздат, 1959. – 512 с.
10. Турок, В. М. Локарно / В. М. Турок. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 268 с.
11. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1995. – Bd. 14. – 762 S.
12. Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. – 1925.
13. Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938. – Wien ; München : Oldenbourg, 2002. – Bd. 5. – 568 s.
14. Beneš, E. Boj o mír a bezpečnost státu : Československá zahraniční politika v projevech ministra dra Ed. Beneše. 1924–1933 / E. Beneš. – Praha : Orbis, 1934. – 833 s.
15. Beneš, E. Cirkulární telegramy 1920–1935. / E. Beneš ; Z dokumentů Archivu Ministerstva zahraničních věcí České Republiky k vydání připravil J. Dejmek. – Praha : Společnost Edvarda Beneše, 2002. – 278 s.
16. Břach, R. Československo a Evropa v polovině dvacátých let / R. Břach. – Praha ; Litomyšl : Paseka, 1996. – 360 s.
17. Bundesarchiv. Berlin. Reichskanzlei R 43. – Ser. Auswärtige Angelegenheiten (1919–1925). – I/162.

18. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Ser. I. – Vol. 27. – 1282 p.

19. Edvard Beneš (diplomat na cestách) : Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928 / K vydání připravili J. Čechurová, J. Čechura. – Praha : Karolinum, 2000. – 212 s.

20. I documenti diplomatici italiani. Ser. 7: 1922–1935. – Roma : Istituto poligrafico dello stato, 1962. – Vol. 4. – 521 p.

21. Národní archiv České Republiky. Praha. Předsednictvo ministerské rady. – Karton 4382.

22. Stresemann, G. Vermächtnis. Der Nachlass in drei Bänden / G. Stresemann. – Berlin : Ullstein, 1932–1933. – Bd. 2. – 611 s.

REFERENCES

1. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of Russian Federation]. F. 0138, op. 6.

2. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of Russian Federation]. F. 04, op. 43, p. 278, d. 53981.

3. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of Russian Federation]. F. 04, op. 43, p. 279, d. 53985.

4. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of Russian Federation]. F. 04, op. 43, p. 279, d. 53986.

5. Akhtamzian A.A. *Rapall'skaia politika. Sovetsko-germanskíe diplomaticheskie otnosheniia v 1922–1932 godakh* [Rapallo policy. Soviet-German diplomatic relations, 1922–1932]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1974. 304 s.

6. *Versal'skii mirnyi dogovor* [Versalian peace treaty]. Moscow, NKID Publ., 1925, 198 s.

7. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [Documents of foreign relations of USSR]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, vol. 8. 862 p.

8. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chekhoslovatskikh otnoshenii* [Documents and materials of the history of Soviet-Czechoslovakian relations]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 2. 634 p.

9. *Lokarnskaia konferentsiia 1925 g. Dokumenty* [Locarno Conference, 1925. Documents]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 512 p.

10. Turok V.M. *Locarno* [Locarno]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1949. 268 p.

11. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1995, bd. 14.

12. Archiv Ministerstva zahraničních vící. Praha. Politické zprávy. Vyslanectví ISR v Berlíně, 1925.

13. *Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938*. Wien, München, Oldenbourg, 2002, bd. 5.

14. Beneš E. *Boj o mír a bezpečnost státu : Československá zahraniční politika v projevech ministra dra Ed. Beneše. 1924–1933*. Praha, Orbis, 1934. 833 s.

15. Beneš, E. *Cirkulární telegramy 1920–1935 ; Z dokumentů Archivu Ministerstva zahraničních vící České Republiky k vydání připravili J. Dejmek*. Praha, Společnost Edvarda Beneše, 2002. 278 s.

16. Běach R. *Československo a Evropa v polovině dvacátých let*. Praha, Litomyšl, Paseka, 1996, 360 s.

17. *Bundesarchiv. Berlin. Reichskanzlei R 43. – Ser. Auswärtige Angelegenheiten (1919–1925)*. I/162.

18. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. London, Her Majesty's Stationery Office, 1986, ser. I, vol. 27. 1282

19. Edvard Beneš (diplomat na cestách) : Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928. K vydání připravili J. Čechurová, J. Čechura. Praha, Karolinum, 2000. 212 s.

20. I documenti diplomatici italiani. Ser. 7: 1922–1935. Roma, Istituto poligrafico dello stato, 1962, vol. 4.

21. Národní archiv České Republiky. Praha. Předsednictvo ministerské rady, Karton 4382.

22. Stresemann G. *Vermächtnis. Der Nachlass in drei Bänden*. Berlin, Ullstein, 1932–1933, bd. 2. 611 s.

**BENESH'S INTERNATIONAL ACTIVITY
AFTER LOCARNO CONFERENCE (OCTOBER – DECEMBER, 1925)**

Stankov Nikolay Nikolayevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of International Relations and Area Studies,
Volograd State University
stankov11@yandex.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The changes in the foreign policy of Czechoslovakia in the first months after the Locarno Conference are analyzed in the paper. The investigation is based on archive and published documents. Immediately after the Conference E. Benesh, the Foreign Minister of the Czech Republic undertook actions in order to adapt the foreign policy of his country to new international relations. First of all the new course manifested itself in the intention to develop good neighbour relations with Germany, Italy, the Soviet Union and in the attempts to create the Danube Pack. But Germany treated to Benesh's statements with restraint. A lot of reasons prevented Italy from cooperation with Czechoslovakia, in the first place, their rivalry in Central Europe and, in particular, in Austrian issue. It didn't then come to recognition of the USSR *de jure* or establishment of full-fledged Soviet-Czechoslovak relations. Action undertaken by Czechoslovak diplomats on regional level disappointed the expectations too. Austria didn't support the creation of the Danube Pack which like the Rein Pack was to safeguard the borders in Central Europe, as well as Hungary which had no intentions to commit itself to refusal from any territory demands and which avoided to sign a joint agreement with the Little Entente. Czechoslovakia had only to carry on the course of strengthening of joint cooperation within the limits of the Little Entente.

Key words: foreign police of Czechoslovakia, E. Benesh, Locarno conference, arbitration agreement between Germany and Czechoslovakia, Soviet-Czechoslovak relations, the Little Entente.